

СОДЕРЖАНИЕ

Наши первые военные школы (Ф. С. Лалаев) 7

Первый кадетский корпус

Учреждение Первого кадетского корпуса и перемены в оном,
последовавшие с 1732 по 1832 год (А. В. Висковатов) . . 24
Из воспоминаний (К.К. Зеңденгорст) 39
Из воспоминаний (М. Я. Ольшевский) 48
Кадеты сороковых годов (Н.А. Крылов) 65
Кадетский монастырь (Н.С. Лесков) 74
Из воспоминаний (Д.А. Скалон) 115

Второй Санкт-Петербургский кадетский корпус

Из записок (Н.В. Вохин) 129

Дворянский полк

Из воспоминаний (Н.И. Андреев) 138
Из воспоминаний (Е.И. Топчиев) 145

Первое Павловское военное училище

Юнкерские годы (В.С. Кривенко) 154

Пажеский корпус

Из воспоминаний (П.М. Дараган) 167
Из «Воспоминаний пажа» (Г.П. Миллер) 172

Морской кадетский корпус

Из воспоминаний (А.И. Зеленой) 180
Морской кадетский корпус в 1823—1828 годах
(П.В. Митурич) 186

Революционеры во флоте (Е.А. Серебряков)	236
Из воспоминаний (А.Ф. Редигер)	259
Автобиографические заметки (И.Е. Аренс)	323
Страшная история (В. В. Барятинский)	353
Последние дни корпуса (Г.Г. Фус)	358

Александровское военное училище

Из воспоминаний о Москве (Е.К. Андреевский)	367
На переломе (Кадеты) (А.И. Куприн)	371

Орловский кадетский корпус

Из «Воспоминаний старого орловца» (К.Ф. Кулябка) . . .	454
--	-----

Николаевское кавалерийское училище

Из воспоминаний (И.И. Ореус)	464
--	-----

Наши первые военные школы

(Ф. С. Лалаев)

«Известно есть всему миру, каковая скудость и немощь была воинства Российского, когда оное не имело правильного себе учения, и как несравненно умножилась сила его и надчаяние велика и страшна стала, когда Державнейший наш монарх, Его Царское Величество Петр I, обучил оное изрядными регулами». Мысль эта выражена в одном из законодательных актов нашего Правительства, изданных в том самом году, в котором спустя только двадцать лет после поражения под Нарвой Россия праздновала уже заключение столь славного Ништадтского мира. «Тож разуметь, — читаем далее в этом акте, — и о архитектуре, и о врачевстве, и о политическом правительстве и о всех прочих делах».

Так понимали значение просветительной деятельности Петра его современники, и действительно, вся история деяний великого Преобразователя России доказывает, что он постоянно руководился твердым сознанием высказанной им истины, что «учение доброе и основательное есть всякой пользы отечества аки корень, семя и основание».

Но вместе с тем та же история приводит к убеждению, что в заботах Петра о распространении просвещения первенствующая роль принадлежит стремлению его удовлетворить практическим нуждам обновленного государства, причем все школьное обучение принимает у нас преимущественно прикладной характер, общеобразовательные цели его уступают место утилитарным требо-

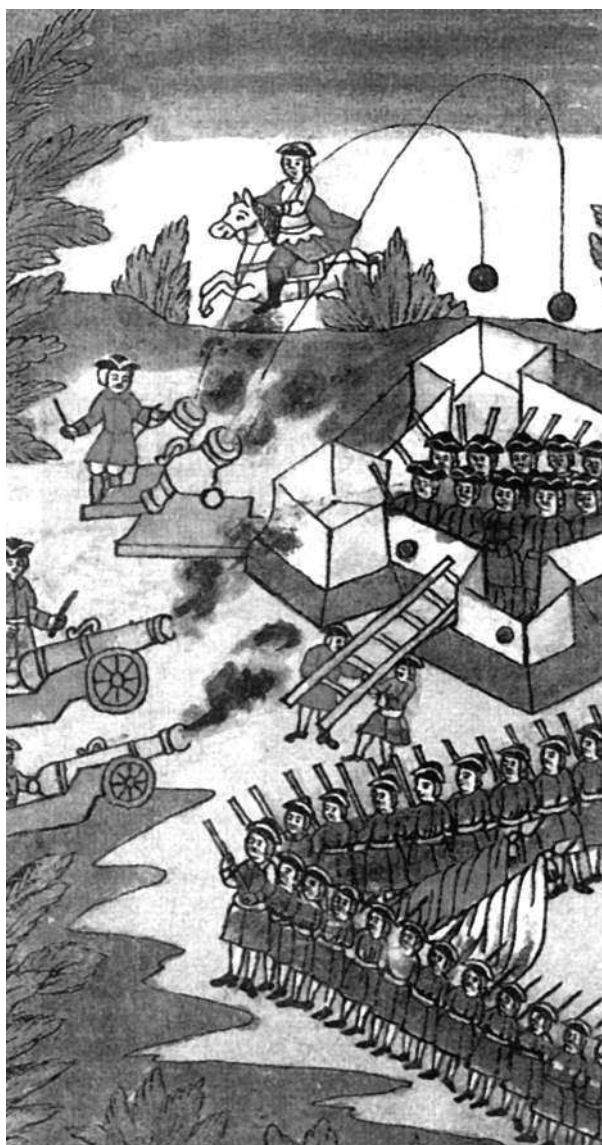
ваниям государственной службы и приготовление к различным родам этой службы становится для отдельных сословий даже повинностью. Таким образом, конец XVII и начало XVIII века представляют в истории нашего просвещения тот именно период, когда вследствие неизбежного исторического закона государство стремится извлекать из науки еще только одну внешнюю, материальную пользу, устраивая училища с исключительной целью приготовления необходимого ему контингента сведущих служилых людей.

В это-то время вместе с другими профессиональными школами — церковными, приказными, медицинскими, горными и др. — возникают в нашем отечестве и военно-учебные заведения.

Как в других государствах Европы, так и у нас первые военные школы были учреждены для приготовления знающих людей собственно к службе артиллерийской, инженерной и морской.

Известно, что еще в детском возрасте Петр положил начало нашей регулярной армии образованием «Потешных рот», из которых скоро сформировался Преображенский полк с бомбардирской ротой. В известии, напечатанном по распоряжению графа Миниха в «С.-Петербургских Ведомостях» 1728 года, о С. Л. Бухвостове, «первом солдате Преображенского полка», сказано, что он поступил в бомбардирскую роту в 1695 году, при ее учреждении; но Устрялов в своей «Истории Петра Великого» приводит подлинные списки этой роты еще за 1698 год и самое учреждение ее относит к 1690 году; наконец, Погодин в одном из последних своих исследований доказывает, что начало Преображенского полка и бомбардирской роты должно быть отнесено даже к 1688 году, когда Петру исполнилось лишь 11,5 лет.

Затем, когда в 1689 году установилось единодержавие Петра, царственные заботы его обратились преимущественно на устройство у нас постоянного войска по образцу европейских армий. В этих заботах царь, привлекая в свою службу сведущих иностранцев и посылая многих русских

Осада и штурм потешными войсками крепости
Пресбург на реке Яузе (1694).
Миниатюра из «Истории Петра Великого»

для обучения за границу, сознавал всю необходимость готовить и в самой России людей, знакомых с различными отраслями военного дела. Почти неодолимые в то время затруднения к осуществлению такой мысли только усиливали энергию юного царя; в 1697 году, отправляясь в первое путешествие по Европе, он взял с собою избранных бомбардиров Преображенского полка, из которых и образовал впоследствии преподавателей нашей первой военной школы, учрежденной при бомбардирской роте в самом начале XVIII века. Здесь будущие бомбардиры обучались начальной математике (арифметика, геометрия и тригонометрия), фортификации (полевые укрепления, системы Кугорна и Вобана, атака крепостей) и артиллерии (построение масштабов, употребление шкалы, черчение орудий и лафетов русской артиллерии, приготовление пороха и лабораторных составов, правила стрельбы), причем теоретическое преподавание пополнилось соответственными практическими занятиями. Сам государь, как командир бомбардирской роты, принимал близкое участие в устройстве этой школы, лично следил за ходом преподавания в ней, поощрял учеников, присутствовал на экзаменах и всякое повышение утверждал собственноручными резолюциями; непосредственное же заведывание этою школою поручено было «от бомбардир капитану» Скорнякову-Писареву, бывшему впоследствии директором Морской Академии.

В январе 1701 года издан был указ об учреждении в Москве «Школы математических и навигацких наук», которая, по словам самого государя, «нужна не токмо к морскому ходу, но и артиллерии и инженерству».

Эта Школа до 1706 года состояла в ведении Оружейной палаты, а потом подчинена была Приказу морского флота и Адмиралтейской канцелярии. В Школу повелено было принимать сыновей «дворянских, дьячих, подьячих, из домов боярских и других чинов», от 12- до 17-летнего возраста, впоследствии же принимались даже и 20-летние; комплект учащихся определен в 500 человек, причем те из них, кто имел более пяти крестьянских дворов, со-

держались на собственный счет, а все прочие получали от казны «кормовые деньги»; вся же годовая стоимость содержания школы не превышала 23 000 руб.

Первыми учителями в этой Школе были англичане Фарварсон, Гвин и Грейс, а впоследствии в числе учителей ее находим и известного в то время математика, Л. Ф. Магницкого, издавшего первую русскую арифметику с арабскими цифрами (Москва. 1703 год). Учебный курс Школы состоял из русской грамоты, арифметики, геометрии и тригонометрии, с практическими приложениями к геодезии и мореплаванию; кроме того, здесь обучали и «рапирной науке». Те из учеников, кои принадлежали к низшим сословиям, обучались в Школе только грамоте и счету и затем назначались на службу в писари, в помощники к архитекторам и к разным должностям в адмиралтейства; ученики же из дворян по окончании полного курса Школы выпускались во флот, в инженеры, в артиллерию, кондукторами* к генерал-квартирмейстеру и к архитектурным делам, причем они уже на самой службе должны были приобретать дальнейшие необходимые для каждой специальности знания и умения. Это же заведение приготавливало и начальных учителей, которые рассылались отсюда по губерниям для преподавания математики в школах при архиерейских домах и монастырях, в адмиралтейских и цифирных школах. Но с учреждением в 1715 году Морской академии в С.-Петербурге Московская Школа математических и навигацких наук потеряла уже значение самостоятельного заведения и обратилась лишь в приготовительное для той Академии.

Около этого же времени возникают у нас специальные инженерные и артиллерийские школы; так, в 1712 году в Москве находилась уже «Инженерная школа» с 23 учениками. В следующем году указом Сената предписано было Военной канцелярии «набрать в эту школу еще 77 человек из всяких чинов людей, также из царедворцовых де-

* Кондуктор — младшее унтер-офицерское звание, присваивавшееся воспитанникам Инженерного училища по аналогии с армией, где его носили чертежники и художники инженерных управлений.

тей, за которыми есть до 50 дворов; а набрав, велеть как прежних, так и новоприборных учить прилежно инженерной науке, чтобы они могли воспринять учение». На все содержание школы отпускалось от казны 3 037 руб.

В 1719 году образована была в С.-Петербурге под начальством полковника де Кулона другая инженерная школа, к которой в 1723 году присоединилась и школа московская.

Что касается школ артиллерийских, то кроме существовавшей уже при бомбардирской роте в 1712 году учреждена была школа при артиллерийском полку под начальством генерал-майора Гинтера (впоследствии бывшего генерал-фельдцейхмейстером), в которой обучали арифметике, геометрии, тригонометрии, черчению, фортификации и артиллерии (описание материальной части, пороховое дело, лабораторное искусство, теория и практика стрельбы); из этой школы в 1721 году несколько учеников отправлено было в С.-Петербургский гарнизон «для обучения огнестрельным делам, надлежащим до воинских случаев и до потешных фейерверков». В том же 1721 году заведена особая школа на 30 человек при С.-Петербургском лабораторном доме, в которой обучались состоящие уже на службе артиллеристы.

Вместе с учреждением названных школ начинают появляться у нас первые печатные руководства по математике, артиллерии и фортификации. Кроме вышеназванной арифметики Магницкого появилось в 1709 году руководство по геометрии под заглавием: «Приемы циркуля и линейки, или избраннейшее начало в математических искусствах»; в том же году издан перевод сочинения Брауна «Новая фундамент умышлением артелерия»; в 1710 году появились: «Описание артиллерии» Бринка, и «Фортификация» Кугорна; в 1711 году — «Учение и практика артиллерии» Бухнера; наконец, сам царь поручил Миниху перевести с французского языка лучшее артиллерийское руководство того времени — «Записки Сен-Реми».

В царствование Петра Великого впервые учреждены были у нас и школы для солдатских сыновей. При народ-

ной переписи 1719 года сыновья всех нижних воинских чинов в подушный оклад вовсе не были включены, вследствие чего и образовалось у нас особое сословие солдатских детей, не имевшее никакой оседлости; обстоятельство это побудило Правительство принять меры для призрения их на казенный счет. Указом 1721 года в каждом из 50 пехотных гарнизонных полков положено было иметь по 50 вакансий собственно для солдатских сыновей, от 7- до 15-летнего возраста. Через десять лет число воспитанников гарнизонных школ было увеличено уже до 4000 и вместе с тем, по мысли графа Миниха, указано: «самые школы определить на таком основании, дабы впредь польза и государству в рекрутах облегчение быть могло». По указу 1744 года в этих школах обучали «словесной и письменной науке, пению, солдатской экзерциции, арифметике, артиллерийской и инженерной науке»; малоспособные же к изучению грамоты занимались в школах разными ремеслами. Большинство учеников по достижении 16 лет определялось на службу в армейские полки и гарнизоны; неуспешные же назначались в матросы и денщики.

Все вышеисчисленные специальные и гарнизонные школы, состоя в ведомстве Военной коллегии, ближайшим образом подчинялись: первые — Канцелярии главной артиллерии и фортификации, а вторые — местным комендантам.

По кончине Петра Великого начатое им дело приготовления молодых людей к службе артиллерийской и инженерной не только не развивалось, но постепенно приходило в упадок. Так, учрежденные им артиллерийские школы скоро перестали существовать; учеников же Инженерной школы само начальство постоянно отвлекало от учебных занятий различными служебными командировками и даже поручением им обязанностей писарей, дневальных и рассыльных при конторе Инженерного правления и при Канцелярии главной артиллерии, причем сама школа по необходимости заботилась уже не столько об образовании инженеров, сколько о поспешном приготовлении большого числа чертежников и писарей.

Вместе с тем комплект учеников Инженерной школы был уменьшен по штату 1728 года до 60 с сокращением и отпускаящейся на ее содержание суммы до 2600 рублей; этим же штатом определено было состоять при школе одному учителю в чине инженер-капитана с жалованьем по 800 руб. в год, и в помощь ему для преподавания наук назначены два кондуктора с окладом по 48 руб. и два рисовальных мастера с содержанием по 180 рублей.

Затем, хотя в первое время после Петра и были учреждены новые школы в Артиллерийском и Инженерном ведомстве, но все они ограничивали свой учебный курс самыми элементарными познаниями. Так, в 1730 году открыта была школа при С.-Петербургской крепости для обучения «малолетних детей мастеровых инженерных людей» с целью приготовления их в писари и мастеровые по Инженерному же ведомству.

В том же году генерал-фельдцейхмейстер граф Миних устроил в С.-Петербурге, на Литейной, особую артиллерийскую школу на 60 человек пушкарских сыновей также для приготовления из них канцелярских и полковых писарей; школа эта впоследствии стала называться артиллерийскою арифметическою школой, и в ней положено было обучать «словесной и письменной науке, а также арифметике, геометрии и тригонометрии»; на содержание школы отпускалось всего 764 рубля.

В 1735 году новый генерал-фельдцейхмейстер, принц Людвиг-Вильгельм Ландграф Гессен-Гомбургский, учредил в С.-Петербурге для 30 дворянских и офицерских детей чертежную артиллерийскую школу со штатным содержанием по 855 руб. в год; здесь обучали преимущественно математическим наукам и артиллерийскому искусству, а затем выпускали учеников на службу унтер-офицерами в артиллерию. Вскоре, однако же, арифметическая и чертежная школы были соединены в одно заведение, под общим наименованием С.-Петербургской Артиллерийской школы. Незадолго перед тем такая же школа, но на 700 воспитанников устроена была и в Москве, близ Сухаревой башни.

В 1745 году, со вступлением в должность генерал-фельдцейхмейстера князя В. А. Репнина, С.-Петербургская Артиллерийская школа поступила в заведывание известного литейщика Петровских времен, Виллима Ивановича де Геннина, вывезенного самим царем из Голландии; с этого времени, кроме обычных классных занятий, в названной школе введены были и практические упражнения.

В Инженерной же школе во все управление Инженерным ведомством князя Репнина не было сделано никаких улучшений, и только в 1758 году, когда школа поступила под особое ведение генерал-инженера Ганнибала, крестника Петра Великого, устроен был на Выборгской стороне особый учебный полигон, на котором ученики школы практически изучали инженерное дело; этим же полигоном пользовались отчасти и ученики Артиллерийской школы.

В 1756 году генерал-фельдцейхмейстером с главным начальствованием и над Инженерным корпусом был назначен граф П. И. Шувалов, первую заботою которого по вверенному ему управлению было возможное улучшение устройства, а затем и совершенное преобразование Инженерной и Артиллерийской школ.

Относя изложение мер, предложенных графом Шуваловым для осуществления такой мысли, к III главе этой части Очерка, воспользуемся дошедшими до нас сведениями для выяснения здесь общего характера содержания и быта учеников в перечисленных выше наших первых специально военных школах в период времени от их основания до 1756 года.

Прежде всего, необходимо припомнить, что при Петре Великом государственная и преимущественно военная служба была обязательною для дворян, как и для других сословий; вследствие того каждый поступал в эту службу рядовым и производился в следующие чины не иначе как по заслугам.

Таким образом, все ученики первых военных школ считались военнослужащими нижними чинами, которым школа давала только средства для приобретения тех или

других специальных знаний, необходимых для дальнейшего движения по службе.

По заведенному порядку ученики при поступлении в школу приводились к присяге, получали определенное жалование (от 12 до 36 рублей в год соответственно классу, в котором находился каждый из них) и первое время жили на частных квартирах.

До 1724 года Петербургская Инженерная школа даже и сама не имела казенного дома и вместе с учителем своим, капитаном Гольцманом, помещалась в двух светлицах, нанятых на одном из постоянных дворов Московской стороны; в 1783 году она переведена была в казенный дом на Петербургской стороне (где ныне здание 2-й Военной Гимназии) а в следующем году в том же «Инженерном доме» размещены были и ученики школы.

В это время Артиллерийская школа находилась на Литейной, против Артиллерийского двора, рядом с церковью св. Сергия. Здесь тоже не полагалось казенных квартир для учеников; но иногда, с разрешения Канцелярии главной артиллерии, школа помещала в своих свободных комнатах некоторых учеников с обязательством, впрочем, отапливать помещение на их собственный счет. Казенная одежда отпускалась ученикам на сроки от 3 до 4 лет; белье и обувь пополнялись ежегодно. Для постелей выдавались коровьи войлоки, обшитые грубым холстом, и одеяла из серого сукна с холщовою подкладкою. На продовольствие учеников отпускалась от казны только указная дача провианта и соли с приварочными деньгами; при таких скудных средствах пища учеников едва ли могла быть достаточною. И действительно, в делах Артиллерийской школы сохранились копии с донесений ее в Канцелярию главной артиллерии о том, что «от худого содержания и голода ученики лишаются сил и не могут прилежно учиться».

Внутренний порядок в школах обуславливался одними казарменными требованиями, и на учеников распространялось каждое из распоряжений, которые делались смотрителем дома для всех, без различия, проживавших в нем людей. Ежедневно, в начале пятого часа утра, дежур-

ный капрал обходил все квартиры и будил учеников и служителей, которые и отправлялись в школу и на работу; после 11 часов давалось время для обеда, а с часа до 6 часов вечера снова производились занятия в школе и работы по дому; затем в 9 часов дежурный опять обходил все квартиры, требуя, чтобы огни везде были потушены.

На учеников возлагались, как уже было замечено, многие служебные обязанности; кроме того, их поочередно ставили на часы к различным постам в Инженерном доме, не исключая и арестантской. За неисполнительность и проступки ученики подвергались суду и наказаниям наравне с нижними воинскими чинами; сохранившиеся до нас канцелярские дела школ представляют и такие случаи, где школьники, проживавшие на частных квартирах, судились за буйство и разбой на улицах и за укрывательство у себя беглых крепостных людей с их женами и детьми, как равно и такие приговоры военного суда, которыми определялось, например, «прогнав шпицрутенами через полк шесть раз, написать в инженерные ученики до выслуги», или «бить при собрании инженерных учеников розгами». Впрочем, этот последний род наказаний, как видно из дел, нередко применялся к ученикам не только без всякого суда, но по личному усмотрению школьного кондуктора; бывали даже случаи, что малолетние ученики за частые побеги наказывались розгами, плетью, кошками и заковывались в кандалы.

В 1730 году одному из учеников «за обложное произнесение государева слова (слово и дело)» определено было такое наказание: «гонять шпицрутенами чрез все наличное число учеников (до 180) три раза и затем оставить по-прежнему в школе».

В 1739 году до сведения Фортификационной конторы дошло, что в числе учеников Инженерной школы есть трое женатых; в предписаниях конторы по произведенному об этом следствии говорится, что в прежнее время того никогда не допускалось как дела, запрещенного под страхом уголовного наказания, и указывалось для отвращения подобных случаев на будущее время объявить школьникам с отобранием от них подписки, чтобы «никто из них

без указа Конторы отнюдь не женился, под штрафом бытия трех годов в каторжной работе»; с этого же времени при увольнении учеников в отпуск (который продолжался иногда до 4 и даже до 6 месяцев, а с просрочками — и до 1,5 года) к обычным требованиям «явиться из отпуска в срок и за время бытности в отпуску инженерных наук не забывать» прибавлялось еще третье: «в отпуску ни для каких законных причин отнюдь не жениться». Но, как видно из дел, все подобные меры школьной суровости оказывались малодейственными. По крайней мере, уже в 1744 году один из артиллерийских учеников, просрочив в отпуску более месяца, оправдывался своею болезнью и смертью жены; Канцелярия приказала сделать с него соответственный вычет из жалованья и «учинить ему при собрании всех учеников наказание батоги нещадно, дабы, на то взирая, другим того чинить было неповадно».

Что касается дела обучения в школах, то оно велось здесь обычным для того времени порядком. Вытвердив букварь, ученик приступал к Часослову, а затем принимался за Псалтирь; окончившим «словесную науку» признавался тот, кто мог бегло прочесть любую страницу Псалтири и Часослова. «Письменная наука» ограничивалась списыванием букв и цифр; потом обучали рисованию, после чего ученики переходили уже к наукам математическим и «до инженерства и артиллерии принадлежащим». Сверх того приказано было обучать всех школьников «пушечной и ружейной экзерциции и показывать им артиллерийскую и инженерную практику», для чего, как уже сказано выше, был устроен на Выборгской стороне учебный полигон.

Относительно специальных предметов преподавания нельзя не заметить, что при крайней ограниченности их объема они и развивались в школах весьма медленно; покойный В. Ф. Ратч, сравнивая школьные записки артиллерии 1750 года с записками Петровской бомбардирской школы, нашел даже, что обучение этому предмету в истекшее полувековье не только не ушло вперед, но подвинулось назад.

К наиболее существенным причинам неуспешности хода обучения в школах следует отнести, конечно, тогдаш-